

Василий Ралько

Игра в жизнь

Часть 1

Василий Ралько

Игра в жизнь. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ралько В. В.

Игра в жизнь. Часть 1 / В. В. Ралько — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Это книга о взрослении. Больше всего на свете герой книги Константин не хотел взрослеть, терять себя, свою индивидуальность и становиться таким же как все остальные. Но вскоре его жизнь круто изменится. Он откроет для себя странную и манящую философию жизни как игры и с этого момента его жизнь уже никогда не будет прежней. Он начнет играть с окружающим миром, узнает о том, что такое настоящая дружба и любовь, пройдет через приключения, успехи и неудачи, и даже поставит на кон свою жизнь. К чему это его приведет? Он сам этого не знает, но остановиться на пути игры уже невозможно.

© Ралько В. В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава1. Последний день лета	5
Глава2. Первое сентября	14
Глава 3. Игра, в которую стоит играть	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1. Последний день лета

*На этом свете меня огорчает только одно – то,
что нужно становиться взрослым.*

Антуан де Сент-Экзюпери

– Костя! – раздался звонкий женский голос из кухни.

«Блин, чего тебе ещё надо?!» – пробормотал я про себя, не отрывая взгляд от экрана компьютера, а рук – от мышки и клавиатуры.

Мамин голос раздражал, как звонок будильника, который выдергивает из чудесного сна в холод утренней реальности.

– Константин! – настойчиво повторил голос.

– Чего?! – озлобленно выкрикнул я, всё так же не отрываясь душой и телом от компьютера. Хотя совершенно точно знал, какая фраза со стороны матери прозвучит следующей. И она прозвучала.

– Подойди ко мне!

– Сейчас иду! – с нескрываемым раздражением ответил я, неохотно нажав Esc на клавиатуре.

Я поднялся со стула и быстрыми шагами направился на кухню, ворча себе под нос о жуткой несправедливости происходящего. Квартира у нас была большая, и по какому-то совершенно подлому стечению обстоятельств моя комната находилась дальше всего от кухни. Я прошел по длинному коридору, украшенному пестрыми фотоколлажами а-ля «современное искусство», смысла которых я никогда не понимал, и подошел к кухне. Там вовсю гремел телевизор, показывая очередное дебильное ток-шоу, в котором очередные идиоты упорно соревнуются за звание главного идиота страны.

Мама стояла посреди кухни. Ее звали Анжела Викторовна, но она никогда не любила, когда ее называли по имени-отчеству, так как видела в этом намек на свой возраст. Поэтому мама требовала от всех – как взрослых, так и детей, – называть ее просто Анжелой. Когда-то, еще до моего рождения, она была певицей, восходящей звездой советской эстрады. Ей прочили блестящее будущее, но мама вышла замуж, родила и в итоге оставила сцену для того, чтобы полностью посвятить себя ребенку и семье. Но человек не в силах изменить свою природу: даже в роли матери и домохозяйки она хотела быть настоящей звездой.

Когда я вошел на кухню, мама стояла возле стола, задумчиво разглядывая выложенные на нем продукты. Она как всегда была неотразима, даже в роли домохозяйки. Ее светлые волосы были идеально уложены, на лице – идеальный макияж; одета мама была в специально подобранную стильную домашнюю одежду, и небесно-синий фартук на ней должен был, по задумке, подчеркивать ее большие голубые глаза.

Мама всегда и из всего делала настоящее шоу, даже если зрителей вокруг не было. Сценическое прошлое не давало ей покоя, и она старалась даже в обычной жизни домохозяйки находить возможности для самовыражения. За это я мамой, с одной стороны, конечно, гордился, особенно сравнивая ее с мамами своих сверстников, которые выглядели как старые тетушки из советского прошлого, ушедшего в небытие. Но, с другой стороны, за это же я ее и ненавидел. Ведь она всегда пыталась сделать и меня частью своего шоу: приодеть, приобуть, причесать и заставить быть «идеальным молодым человеком». Боже мой, от одних мыслей об этом у меня всегда возникали рвотные рефлексy и желание сбежать на другой край света.

– Чего ты хотела? – нетерпеливо спросил я, демонстрируя раздражение от того, что меня отвлекли от важнеего занятия, к которому я хотел поскорее вернуться.

– Ты знаешь, а ведь я все-таки забыла кое-что купить к сегодняшнему ужину. Придет еще Алла с мужем, и Эльвира Васильевна будет не одна. Надо будет сделать на всех еще один салат и тарталетки с икрой. Сходи в магазин, будь добр, купи помидоры, огурцы, зеленый лук, перец, еще одну банку икры и масло сливочное, ну и вроде бы всё, – перечисляя продукты она загибала пальцы, демонстрируя свежий нежно-бирюзовый маникюр. Видимо оценив мое рассеянно-раздраженное лицо, она поняла, что я уже забыл всё, что она перечислила, и добавила:

– Ладно, я тебе сейчас список составлю.

– Ну, блин, чего ты сама сходить не можешь?! Раньше нельзя было сказать? – я привычно ворчал, хотя точно знал, что в магазин идти придется. Но мне все-таки хотелось хоть как-то отомстить за то, что меня так бесцеремонно оторвали от компьютера.

Я взял деньги и список и вышел в прихожую. Я совершенно забыл про сегодняшний ужин. Только теперь до меня стало доходить, почему мама целый день приводила квартиру в идеальное состояние и постоянно дергала меня разными маленькими поручениями. Да уж, новость об ужине не предвещала ничего хорошего. Это означало, что вечером соберется куча людей: мамыны подруги, соседи, родители моих одноклассников и, возможно, несколько наших школьных учителей. А мне придется изображать из себя образцового сына, глупо улыбаться, отвечать на бессмысленные вопросы, думая только о том, как побыстрее свалить с этого мероприятия и вернуться к компьютеру. Мама обожала такие собрания, для нее это был очередной шанс показать публике свою «идеальную жизнь», которая состояла из идеальной квартиры, в которой только что был сделан новый ремонт, идеальных блюд, идеального внешнего вида ее самой и, конечно же, идеального сына.

Проходя мимо зеркала, я остановился и рассеянно посмотрел на себя. На идеального сына я точно не тянул. В целом, многие люди делали мне комплименты, говорили, что я вырос «симпатичным молодым человеком», но лично я к такой мысли относился скептически. Немытые волосы каштанового цвета нелепо торчали во все стороны, свидетельствуя о полном пренебрежении к внешнему виду. Лицо у меня самое обычное. Уверен, что, встретившись со мной на улице, вы бы меня точно не запомнили. Если смотреть по отдельности, то черты лица в целом правильные, но практически какие-то средние, ничем не выделяющиеся. Средний нос – не длинный и не курносый, подбородок – не выдающийся, но и не впавший, самые обычные карие глаза. Единственное, что выделялось – это небольшой шрам, который шел от правого глаза вниз на пару сантиметров. Да и этот шрам был получен самым обычным образом: в детстве я упал с горки, расцарапав лицо о ржавую железяку. Прибавьте к этому юношеские прыщи, подростковую растительность на лице, и вы получите портрет самого обычного тинэйджера. Из одежды я предпочитал самое удобное, и я не виноват в том, что удобнее всего оказывались старые растянутые спортивные штаны с протертыми коленями и бесформенная футболка серого цвета. Мама всегда говорила, что из всех купленных ею вещей я умудрялся одевать самые некрасивые и к тому же несочетающиеся. Так что на идеал я точно не тянул.

Но я уже представлял, как в этот же день, ближе к вечеру, мама по обыкновению заставит меня помыть голову и побриться; причешет, оденет, скорее всего, в новенький бежевый костюм и выставит напоказ перед своими гостями. Мне всегда было тошно от подобных мероприятий, но я подыгрывал, потому что за краткосрочное участие в этих «спектаклях» мама в остальное время оставляла меня в покое, разрешая делать всё, что мне хочется. А хотелось мне немногого. Всё то время, что я говорил с матерью, одевался и выходил из дома, я был отделён от компьютера исключительно телесно. Мыслями я все ещё был там. И хотел туда вернуться физически как можно скорее.

Захлопнув дверь квартиры, я по лестнице спустился на первый этаж. Мы жили на пятом, поэтому, когда нужно было спускаться вниз, я чаще всего шел по лестнице, чтобы не ждать лифт. Дверь на улицу открылась, и в лицо мне пахнул приятный запах травы. На дворе стояло 31 августа – последний день лета. Было все еще тепло, но уже дул легкий прохладный ветерок,

как бы намекая на то, что летние дни скоро закончатся и на смену им придет серая и дождливая осень. Магазин находился всего в трех минутах от дома, и я привычной дорогой пошел к нему. Дальше все прошло практически на автомате – по привычному алгоритму. Я зашел в магазин, собрал в корзину продукты из маминого списка, оплатил их на кассе. По той же дороге дошел обратно до дома, вошел в квартиру, скинул одежду, занес покупки и сдачу на кухню и поспешно вернул своё тело обратно к компьютеру. Остаток дня я провёл, полностью погрузившись в компьютерную игру.

Если смотреть на жизнь Константина Стрелецкого, то есть меня, со стороны, то практически все его свободное время проходило именно так – за компьютером. Я учился в школе, и на следующий день, первого сентября, должен был перейти в последний 11 класс. Моя жизнь, так же как и моя внешность, была самой что ни на есть обычной. В ней не было ярких приключений, забавных случаев, о которых можно рассказать друзьям, да и самих друзей по большому счету не было. Меня ждало самое обычное будущее: закончить какой-нибудь вуз, а потом работать где-нибудь по специальности, хотя на тот момент я еще не понимал где. В общем, на первый взгляд, я был самым обычным семнадцатилетним подростком, возможно, если смотреть со стороны, более замкнутым, неуверенным и отрешенным, чем остальные.

Но изнутри я видел свою жизнь совершенно по-другому. Миром, в котором я действительно «жил», был мир компьютерных игр. Этот мир всегда манил и завораживал меня. Только там я думал и действовал с полной отдачей, и только в нем был по-настоящему счастлив.

Я никогда не любил столь популярные «стрелялки». Они всегда казались мне скучными и однообразными, лишенными всякого смысла. Посудите сами: игра, которая заключается в том, чтобы сто раз подряд пройти по однообразным коридорам и пострелять по монстрам или по другим игрокам, очень быстро надоедает. В таких играх все зависело от реакции, скорости нажатия на клавиши, а зачастую и от простой удачи. Какой в этом интерес? Со скуки помереть можно.

Реально крутая вещь – это ролевые игры. Не было ни одной стоящей ролевой игры, которую я не знал бы на сто процентов. Больше всего меня прельщали именно процесс вживания в роль своего игрового персонажа и его развитие. Я жил его яркой и насыщенной жизнью, развивался, общался и совершал подвиги. Если роль надоедала мне, то в любой момент я мог начать другую игру, создать нового персонажа с совершенно иной ролью и снова вживаться в его образ, стараясь всячески соответствовать ему. Я придумывал самые разные типы характера, внешности, сочинял биографии и проживал десятки и сотни жизней, каждая из которых была уникальна и интересна. Сегодня я, например, мог быть красавцем-рыцарем, неприимимым борцом со злом во всех его проявлениях, неподкупным и благородным, не особо интеллектуальным, но зато виртуозно владеющим двуручным мечом. На следующий день уже в другой игре я был хитрым и злобным волшебником-интриганом, трусливым и горбатым, стремящимся к власти любыми средствами. И в каждом из своих персонажей я стремился найти какую-то его «правду» и принять её, уяснить для себя его возможные мотивы и жить его жизнью. Это же так круто – проживать не одну, а десятки и сотни жизней, полных приключений!

Я любил этих персонажей за их неординарность, необычность, красоту и величие жизни. Самое классное, что в компьютерных играх не было места серости и обыденности, которые окружали меня в реальности. Включаясь в игру, я как будто бы сбегал от скуки и мелочности этого мира, в том числе и от собственной обыденности, которую я всегда ненавидел. Сколько я себя помню, во мне всегда жила сильная жажда подвигов и свершений. Но я совершенно не видел возможности реализовать эту жажду в реальности, не видел в своей жизни простого московского школьника места для чуда, подвига или приключения. Здесь всё было слишком серьезным, обычным и будничным. А в компьютерных играх я мог быть тем, кем хотел, жить великой жизнью и совершать великие дела. Именно поэтому всё свое свободное время я стремился проводить в игровом мире.

Однако в этот день реальность бесцеремонно ворвалась в мой уютный и любимый мир компьютерных игр. Случилось это как раз во время злосчастного ужина, который устроила мама. Вначале происходящее не предвещало беды. Собрались знакомые Анжелы: бывшие коллеги по сценическому миру, соседи, родители нескольких моих одноклассников и несколько учителей. Всего около двенадцати человек. Поскольку я особо не дружил практически ни с кем из одноклассников или детей маминых подруг, на ужине были только взрослые.

Как это ни странно, но Анжела была погружена в мою школьную жизнь намного больше, чем я сам. Я практически не общался с одноклассниками, учился посредственно и вообще считал школу какой-то досадной помехой для своих компьютерных игр. Но мама думала по-другому. Она состояла в родительском комитете, прилаживалась со всеми учителями и другими родителями, постоянно участвовала в организации классных мероприятий, школьной самодеятельности и так далее. Я пару раз подслушал разговоры учителей, которые удивлялись, как у такой активной, энергичной и жизнелюбивой мамы может быть такой вялый, апатичный и застенчивый сын, у которого на уме одни игры. Меня это совершенно не обижало. Меньше всего я хотел бы жить маминой жизнью, постоянно вращаясь в центре круга из многочисленных пустых болтунов. Хотя мамина активность в школьной жизни меня напрягала, но я видел, что благодаря её репутации в школьной среде учителя меньше дергают меня, относятся ко мне снисходительно, и это меня совершенно устраивало.

Анжела была одета в новое голубое платье, которое она купила во время нашей летней поездки в Италию. На маме красовались украшения с синими камнями, название которых я так и не смог запомнить. В общем, она как всегда выглядела прекрасно. Обычно моя роль на подобных ужинах заключалась в том, чтобы хорошо выглядеть, выслушивать бессмысленные комплименты в свой адрес о том, что я «подрос», «стал красивым юношей», «до чего же похож на отца» и так далее. Иногда мне приходилось отвечать на не менее бессмысленные вопросы о том, что мы проходим в школе и на какие оценки я учусь. Мне это было совершенно неинтересно, но это была привычная плата за то, чтобы меня оставляли в покое в другие дни, позволяя заниматься любимым делом – играть в компьютерные игры.

В сегодняшнем же собрании была одна выбивающаяся деталь – главной темой для разговоров стал важный вопрос: «Кем быть?». С этого вопроса все и началось. Вроде бы, это самый очевидный вопрос, на который у каждого молодого человека, перешедшего в выпускной класс, должен быть готовый отчеканенный ответ. Не важно, был ли этот ответ найден в ходе самостоятельных поисков или сформулирован родителями, но, по идее, он должен был быть. Но в моем случае ответа попросту не было. Мое будущее оставалось как бы в тумане, и я совершенно не горел желанием этот туман развеивать.

Сколько себя помню, каждый раз, когда я задумывался о своем будущем, меня охватывал сильнейший страх, сковывающий всё тело. Мне сразу же хотелось забыться, уйти с головой в свои компьютерные игры и больше никогда не думать, и не говорить об этом. Это был страх утраты детства, страх грубой и неизвестной взрослой жизни, вторгающейся в мой уютный мир.

Мама пробовала пару раз заводить разговоры на эту тему, но я раздражался, психовал и всем видом показывал, что не хочу это обсуждать. Помню, как несколько лет назад мама подарила мне книжку на тему взросления, разных профессий и выбора своего пути в жизни. Сама эта книга одновременно испугала и взбесила меня. Я при маме порвал ее и выкинул в окно, недвусмысленно показывая, что мне эти темы совершенно не близки. Благо мама никогда не была сильно заиклена на успехах и достижениях, не требовала от меня идеальной учебы или каких-либо результатов в спорте. Она оберегала меня, жалела из-за того, что в раннем детстве я потерял отца, чувствовала какую-то собственную вину за это и считала, что главное в жизни – быть счастливым. Каждый раз, когда я приходил из школы с очередной тройкой в дневнике, она сначала грустно вздыхала, но потом повторяла излюбленную мантру: «Ну, ничего, главное, чтобы ты хорошим человеком вырос. А все эти оценки – не самое важное».

Также и с вопросом моего будущего. В какой-то момент просто махнула на меня рукой, сказав: «Ну, поступай, как знаешь, если что – в театральный мы тебя без труда пристроим, у меня там еще остались хорошие знакомые». И эта ситуация меня целиком устраивала.

Но в этот вечер мне не удалось, как обычно, отвертеться от данного разговора. Матери моих одноклассников гордо рассказывали о том, куда хотят поступить их дети, как у них уже «всё схвачено» и какое прекрасное будущее их ждет. С каждым из этих «рассказов» я видел, как мама все более взволнованно посматривает на меня. Ведь для нее я всегда был одним из поводов для гордости, одной из деталей поддерживаемого ею образа идеальной жизни. Теперь этот образ начинал рушиться, и она уже жалела о том, что так просто давала мне соскочить с темы поступления в вуз раньше.

– Ну что, вы уже решили, куда будете поступать? – спросила Мария Сергеевна – мама моего одноклассника Коли Михеева, серьезная властная женщина в красном платье. В отношении ее сына все было решено уже три года назад: юридический факультет престижного вуза и работа в семейной юридической компании.

– Мы думали о поступлении в театральное училище... – робко ответила Анжела, явно не готовая к таким вопросам.

Ее прервал обильно жестикулирующий и покрасневший от выпитого Дмитрий – муж ее подруги Аллы:

– Театральное?! Да сегодня эти актеры ничего не зарабатывают. Недавно одна из наших «звезд экрана» вела у нас на работе корпоратив. Я узнал, сколько она за это получает. Это же копейки! И это заслуженная артистка России, которая «светится» во всех фильмах! А большинство актеров вообще вынуждены подрабатывать на детских утренниках. Иди лучше в финансовый, как я, – поближе к деньгам!

– Ну ладно уж тебе, – осадила его жена. – Не так уж все плохо у актеров. Зато у них яркая и интересная жизнь: кино, театр, гастролы, красивые костюмы. А ты со своими финансами сидишь целыми днями в комнате без окон, считаешь чужие деньги! Тоже мне советчик нашелся.

– Да тебя саму бы от этих костюмов и гастролей тошнить начало, когда бы ты поняла, что семью этим не прокормишь, а жена бы тебя пилила каждый день за то, что нужно сделать ремонт на даче. А еще во всей этой театральной богеме все, вы меня извините, педики. По-другому там не пробьешься. Тебе что парня не жалко? Анжела, ты что, внуков не хочешь?!

– Да хватит вам всякие гадости рассказывать и маму с ребенком запугивать, – возразила Эльвира Васильевна, наша учительница по математике. – Костя, ты сам скажи, чего ты хочешь? Кем хочешь быть?

Замерев, я слушал перепалку, надеясь, что меня не заметят и не спросят. Но по закону подлости меня заметили и спросили. И я был вынужден отвечать:

– Эээ... Я на самом деле особо об этом не думал. Но, наверно, можно и в театральное. Ничего плохого в этом вроде бы нет.

– Да никто и не говорит, что в этом есть что-то плохое, – не отставала Эльвира Васильевна. – Но у тебя же должно быть понимание того, кем ты хочешь работать и чего достичь в будущем. Кем ты себя видишь через десять лет? У тебя есть мечта?

Эти вопросы поразили меня как молния. Я жил, не задумываясь о том, что будет через месяц и тем более через год. А уж о том, что будет через десять лет, я даже не фантазировал. В общем, все эти вопросы, которые я обычно гнал от себя, обрушились на мою голову жестоким градом. Что я мог на них ответить? Чего я действительно хотел? По правде говоря, хотел я только одного: чтобы ничего не менялось, чтобы меня просто оставили в покое и позволили и дальше жить, играть в свои компьютерные игры и тем самым наслаждаться жизнью. Я отвечал что-то невпопад, глядя в пол, говорил о том, что пока не знаю точно или еще не определился,

пытался как-то отшутиться. Но это привело к обратному эффекту. Все начали активно меня воспитывать:

– Что за безответственное отношение к своему собственному будущему? Наш сын давно определился и ходит на подготовительные курсы в лучшем вузе!

– А когда я была в твоём возрасте, меня вообще не спрашивали ни о чем. Отец сказал: «Медицинский», – и я даже не могла поспорить. А тут ты с полной свободой выбора ничего не знаешь, – возмущалась Светлана Сергеевна, соседка с десятого этажа и мама моего друга детства Бронислава.

– Сколько тебе сейчас? Уже семнадцать? Пора определяться.

– Детство кончилось!

– Нельзя быть таким инфантильным!

– Когда ты уже повзрослеешь?!

И в этот момент, на вопросе о взрослении, что-то внутри меня взорвалось. Я почувствовал, что по мне, как будто бы, ползают сотни тарантулов, которые без устали жалят меня и хотят залезть мне прямо в голову. В одно мгновение мне захотелось сбросить их всех с себя. Я поднял глаза, полные злости, встал и громко, практически криком сказал:

– Я никогда не повзрослею! Я никогда не стану таким, как вы! Оставьте меня в покое!

За столом воцарилась звенящая тишина. Вечно спокойный и застенчивый мальчик вдруг показал всем, что может быть другим. Все были в шоке, даже мама, которая практически никогда не видела от меня ничего подобного. Я нависал над столом, сжав одну руку в кулак, а другой захватив скатерть. Лицо горело, а ноздри громко сопели, вдыхая и выдыхая воздух. Я чувствовал сильнейшую злобу и, судя по испуганным лицам сидящих за столом взрослых, мой взгляд очень хорошо передавал мои ощущения. Но спустя пару секунд гнев утих. Я вдруг осознал, что произошло, испугался, и в это мгновение снова стал собой: глаза опустились к полу, руки, опиравшиеся на стол, повисли вдоль тела, а плечи ссутулились. Я пробормотал тихо: «Простите...», – вышел из-за стола и пошел в свою комнату. Никто не пытался меня остановить.

Я сам испугался своей реакции. Ведь раньше я никогда не позволял себе грубить и тем более кричать на взрослых людей. Но в этот раз меня задела за живое, и я сорвался. Казалось, что они своими вопросами и замечаниями били по самому больному месту.

Действительно, меня очень пугало взросление. Я смотрел на всех этих взрослых людей со стороны и видел, что они очень несчастны: вечно недовольны своей работой и жизнью, на все жалуются, собираются вместе и пьют алкоголь, после чего от них неприятно пахнет, и ведут они себя как-то странно. В то же время мне казалось, что все они не понимают каких-то простых истин, очевидных для детей; что они совершенно забыли собственное детство и играют какие-то серьезные роли. Взрослый мир всегда казался мне чем-то ужасно скучным и серым, где нет места для игр и приключений, для чего-то чудесного и героического, что я сам переживал в своём компьютерном мире. Взрослые не играют на компьютере, а значит, по моим меркам, и не живут вовсе. Для меня слово «повзрослеть» означало примерно то же, что и «умереть».

Я помню, что, когда мне было около двенадцати лет, я стал замечать, что с моими сверстниками начало происходить что-то странное. Один за другим они стали подхватывать «эпидемию взросления». Они во всем пытались подражать взрослым: пробовали пить и курить, обсуждали машины, мотоциклы и девчонок. Конечно, я тоже, как и все, пробовал пить пиво и курить сигареты. Пиво показалось мне мерзким на вкус, а от сигареты у меня начала кружиться голова и меня чуть не вырвало. Я прекрасно видел, что мои друзья чувствовали то же самое. Когда мы общались один на один, они признавались мне в этом, но в компании продолжали изображать друг перед другом, что пиво и сигареты им очень нравятся. Все это выглядело так нелепо и натянуто, что я начинал искренне возмущаться, упрекал друзей в том, что они врут, изображая из себя взрослых. Но в ответ я слышал, что я «еще маленький» и ничего не понимаю в жизни. Я не хотел и не мог врать себе и изображать кого-то, кем я не являюсь. В резуль-

тате через некоторое время я остался без друзей. Тогда мне стало казаться, что взрослый мир построен на какой-то лжи и глупости. Как будто бы он затягивает людей, заставляя отречься от себя и превратиться в какого-то безликого робота, живущего так же, как все остальные. Осознав все это, я дал себе обещание, что никогда не повзрослею, никогда не забуду свое детство и не буду относиться к нему с насмешкой или презрением. Это может звучать забавно, но я совершенно серьезно следовал этой клятве до самого последнего времени.

Конечно же, я не мог произнести всего этого вслух, вынести свои сокровенные мысли и мечты на суд этих взрослых, которые столь бесцеремонно лезли в мою жизнь, задавая вопросы о будущем. Но и терпеть дальше их вопросы и нравоучения я не мог, поэтому и сорвался.

Сидя в своей комнате, я, естественно, включил компьютерную игру. Но в этот раз игра не шла. Я постоянно отвлекался, спорил в уме с мамиными друзьями, доказывал, что я свободен жить так, как хочу, что мне не нужно взрослеть как всем остальным. Ведь у меня перед глазами не было ни одного примера взрослого человека, который бы вызывал у меня уважение или желание стать таким же, как он. Маму свою я, конечно, очень любил, но ее жизнь всегда казалась мне бессмысленной. Ее увлечения типа шопинга, походов в театр и вечеринок, подобных сегодняшней, я не понимал и не разделял. Такая жизнь была не для меня.

Отца своего – Александра Стрелецкого – я практически не помнил: тот был убит, когда мне было всего 7 лет. Сейчас, глядя на его старые фотографии, я видел, что действительно внешне становлюсь все больше похожим на отца. Он был ученым, работал над какими-то изобретениями, смысла которых я до сих пор не понимаю. Мама любила повторять, что ее муж был гением, надеждой отечественной науки, хотя сама была далека от мира науки и техники и также до конца не понимала, чем был занят отец. Зарплата в его НИИ в советское время не позволяла содержать семью, тем более с новорожденным ребенком. В итоге он бросил науку и решил применить свои изобретения для получения прибыли, войдя в число первых предпринимателей на рубеже распада СССР и образования России. Он создал кооператив, привлек партнеров, оформил патенты на свои изобретения, связанные с нефтехимией и способные существенно улучшить качество очистки нефти, сократив необходимые затраты. Его технологией заинтересовались как в России, так и за рубежом, бизнес быстро стал прибыльным. В результате, когда мне исполнилось 4 года, наша семья быстро взлетела по социальной лестнице вверх. Мы переехали в новую просторную квартиру с евроремонтом в элитном районе, у нас появилось несколько машин, а мне стали покупать самые дорогие и лучшие игрушки.

Однако взлет отца оказался коротким. Он был, прежде всего, изобретателем и тяготился сопутствующими бизнесу делами – необходимостью управлять большим коллективом, считать деньги, «договариваться» с чиновниками и бандитами. Поэтому, когда однажды к нему поступило предложение от крупной международной компании о выкупе принадлежавшего ему пакета акций фирмы (около 60%) за огромные деньги, Александр Стрелецкий согласился. Он хотел получить деньги, оставить за собой 5% акций и продолжать работать в компании, занимаясь изобретательской деятельностью, оставив на головной холдинг все проблемы бизнеса. Однако у этого решения были противники – двое партнеров отца. Вначале они пытались убедить его не продавать свою долю, далее в ход пошли конфликты и угрозы. История закончилась убийством Александра Стрелецкого тремя пулями в упор, когда он выходил из машины возле офиса компании. Полиция взяла след и под подозрение попали партнеры отца, но потом дело почему-то заглохло. А к маме пришли люди, представлявшие партнеров, и в ультимативной форме предложили ей продать долю мужа. Она с семилетним ребенком на руках не стала сопротивляться и продала всю долю за существенно меньшие деньги, чем те, что предлагали иностранцы. Полученную сумму мама по совету своей сестры Наташи, которая работала риелтором, вложила в недвижимость. Денег хватило на покупку небольшого здания на окраине города. Тетя Наташа нашла арендаторов – большой сетевой магазин и несколько компаний – и помогла оформить все договоры. В результате этого каждый месяц наша семья получала при-

личную сумму от арендных платежей, благодаря чему мы могли спокойно жить и не беспокоиться о своих материальных потребностях.

Но в итоге вышло так, что я рос без отца. Конечно, мать любила меня и хотела, чтобы я в жизни был счастлив, не испытывал никаких тягот и забот; она считала, что мой отец жил и умер именно ради этого. В результате я познал только любовь матери – эту безусловную любовь, когда человека любят таким, каков он есть, просто за факт его существования. Такая любовь делает человека расслабленным и счастливым. Он никому ничего не должен доказывать, не должен добиваться любви. Но сравнивая себя со своими одноклассниками, которые росли с отцами, я хорошо видел, что существует и другой тип любви – отцовская любовь. Отец любит не просто так, его любовь надо заслужить, отец любит за достижения. Такая любовь делает человека целеустремленным, закаляет характер и волю, учит быть первым и добиваться всего своими силами. Люди, которые знали любовь только отца, нередко вырастают очень успешными и амбициозными. Однако они совершенно не могут расслабиться и быть просто счастливыми. Для них каждое новое достижение не дает права на остановку, оно ведет к новым целям, новым высотам. Они не могут остановиться на достигнутом, им нужно все время доказывать свое право на любовь. Те же, кто познал только материнскую любовь, часто вырастают расслабленными, довольными собой и счастливыми. Но они зачастую не умеют достигать целей, работать над собой, заставлять себя. Подсознательно они уверены, что заслуживают любви просто фактом своего существования, и желание делать что-либо, требующее усилий, у них попросту отсутствует. Я относился как раз ко второму типу. Я был единственным ребенком в семье, на меня изливалась вся любовь матери. Я привык жить в свое удовольствие, не напрягаться и не принуждать себя ни к чему. Поэтому необходимость выходить из зоны комфорта и делать что-то ради «светлого будущего» меня совершенно не вдохновляла.

Ужин закончился раньше, чем это планировалось. После того как я ушёл, за столом воцарилась какая-то некомфортная атмосфера. Мама, обычно активная хозяйка-распорядительница любой вечеринки, в этот раз сидела погруженная в свои думы. После нескольких неловких пауз все по очереди стали вспоминать, что у них, оказывается, есть те или иные «неотложные дела» и быстро разошлись.

Когда гости удалились, и пяти минут не прошло, как в мою комнату вошла мама. По ее взгляду – одновременно строгому и немного растерянному – было видно, что меня ожидает «серьезный разговор». Я прекрасно понимал, о чем пойдет речь, и сразу же повторил матери, что не хочу обсуждать вопросы, связанные с будущим, с поступлением в вуз и своей профессией, что я как-нибудь сам со всем этим разберусь. Хотя никакого, даже примерного плана у меня не было. Но Ангела холодно резюмировала:

– Все! Если ты не хочешь ничего решать, то я принимаю решение за тебя. Ты поступаешь в театральный. Я завтра же начну звонить и договариваться об этом со своими знакомыми. Денег актеры много не зарабатывают, но у нас с тобой, благодаря твоему папе, царство ему небесное, трудностей с деньгами пока что нет. Запишем тебя на подготовительные актерские курсы, будешь ходить заниматься. А то прямо прирос к своему компьютеру! Ну что ты молчишь?!

– Как скажешь, мама. Театр, так театр. – Ответил я, всем своим видом показывая, что меня устраивает любой вариант, закрывающий эту тему.

Повисла пауза. Мама посмотрела на меня и вдруг невольно заплакала. Видимо я в очередной раз напомнил ей мужа, которого она потеряла десять лет назад. Она не раз вспоминала, что он был таким же упрямым, своевольным, витающим в своих идеях и мечтах. Мама не могла быть по-настоящему строгой, она потеряла мужа и больше всего на свете боялась потерять сына. Мама бросилась ко мне, тут же заключила в свои объятия и плача повторяла:

– Боже мой, какой же ты уже большой, как ты уже вырос!

– Мама, все в порядке, – я неловко пытался ее успокоить. – Все будет хорошо, пойду я в твой театральный, не волнуйся.

Мама вышла из комнаты, утирая слезы. На протяжении следующих двух часов я слышал, как она по телефону обсуждала эту ситуацию то с одной, то с другой подругой, ища поддержку и утешение. А я был рад, что меня оставили в покое.

Оставшись один, я погрузился в игру. Так плохо я не играл никогда. Я был несобран, отвлекался, совершал ошибки. В этот вечер я начал испытывать от игры незнакомое доселе чувство – чувство скуки. Пройдя великое множество ролевых игр, я стал замечать однотипные и повторяющиеся элементы, шаблонные схемы и простые алгоритмы. Раньше я как-то гнал от себя эти мысли о скуке и повторениях, скачивал и начинал новые игры. Но теперь скука откровенно преследовала меня. Я начинал видеть, как будут развиваться события в игре дальше, и это казалось мне скучным. Проклятое будущее проникло даже в святая святых – мой мир компьютерных игр. И видение этого будущего навеивало скуку. В конце концов, я разозлился, выключил компьютер, залез под одеяло и выключил свет. Еще долго я не мог уснуть, ворочался и все никак не мог отогнать от себя мысли о будущем, которого я не хотел, но которое неизбежно приближалось.

Меня не покидало ощущение недовольства и раздражения по отношению ко всему вокруг. Я чувствовал себя ребенком внутри матери, который находится в привычной и комфортной среде материнской утробы; но в какой-то момент ситуация начинает меняться, и ребенок буквально выталкивается наружу в холодный, негостеприимный и непредсказуемый мир. При этом у самого ребенка от происходящего ощущение какого-то произвола и несправедливости. Но, к сожалению, другого выхода нет. Почему-то в этот момент мне вспомнился старый анекдот: «Лежат двое близнецов в материнской утробе. Один спрашивает у другого: "Есть ли жизнь после рождения?". Другой отвечает: "Не знаю, но оттуда никто не возвращался..."».

Глава2. Первое сентября

Чтобы выигрывать, нужно прежде всего играть.

Альберт Эйнштейн

В семь утра предательски зазвонил будильник, напоминая, что сегодня первый день последнего учебного года в школе. Я лежал, закутавшись в одеяло, и совершенно не хотел вставать. Казалось, что в мире по ту сторону одеяла меня не ждет ничего хорошего, в том числе – школа, одноклассники, учителя, поступление в театральный, разговоры о будущем. Раньше меня всегда вдохновляли мысли о новой игре или персонаже, роль которого я играл. Но сейчас мысли о компьютерных играх навеивали на меня скуку. Я чувствовал себя совершенно разбитым и не выспавшимся, но все-таки нашел силы сползти с кровати и дойти до душа. Вода всегда помогала мне проснуться и взбодриться. Практически на автомате я вышел из душа, дошел до кухни и привычными действиями сделал себе три бутерброда с сыром и колбасой. Мама в это время еще спала. Она вообще не любила просыпаться раньше двенадцати, и поэтому завтракал я, как всегда, в одиночестве.

Обычно я совершенно не задумывался о том, что надеть в школу, и просто брал вещи, которые первыми попадались на глаза. Но первого сентября нужно было выглядеть более-менее торжественно. Хорошо, что мама заранее предусмотрела это и повесила на кресле в моей комнате чистый и выглаженный темный коричневый костюм с белой рубашкой. Я неспешно оделся, собрал портфель и выдвинулся в школу, которая находилась от нашего дома всего в десяти минутах ходьбы.

Всю дорогу от дома до школы я вспоминал вчерашний ужин, разговоры и вопросы, которые мне задавали. В голове я продолжал раздраженно спорить со взрослыми, доказывал, что имею право жить своей жизнью так, как я этого хочу. Но недовольство не покидало меня, даже наоборот, оно только усиливалось. В этот момент я смутно ощущал, что нечто в моей жизни начало меняться. Я до конца не понимал, что именно происходит, но чувствовал, что как раньше, к сожалению, уже не будет. Это раздражало и пугало одновременно.

Спустя десять минут я подошел к школе. Это было трехэтажное здание бело-голубого цвета, построенное в форме квадрата с просторным внутренним двором. Во дворе школы стояла большая пестрая толпа, состоящая из родителей, учителей и учеников, которые собрались для того, чтобы вместе отпраздновать начало нового учебного года. От этого зрелища мне стало не по себе.

Если вкратце описать мое отношение к школе, то мне она всегда казалась какой-то обязательной повинностью, которую необходимо «отбыть» для того, чтобы все остальное время спокойно наслаждаться своими любимыми играми. Я искренне не понимал смысла всего происходящего в школе. Уроки я делил на простые, которые требовали мало времени и сил для того, чтобы получать оценки выше двойки, и сложные, где для этой же цели приходилось потратить больше усилий. При этом ни один из уроков мне не был интересен. Учителя говорили маме о том, что я способный и талантливый молодой человек, но мне не хватает дисциплины для того, чтобы стать отличником. Но я не особо вслушивался в эти разговоры, и отличником становиться тем более не планировал. Мне просто было неинтересно. В результате я учился на тройки и четверки, прилагая минимум усилий для того, чтобы у меня не возникало лишних проблем с учителями.

Среди одноклассников я тоже не пользовался особой популярностью. Меня никогда не тянуло в их компанию, мне с ними было попросту не интересно. Когда-то раньше, класса до шестого, я дружил со многими ребятами; мы играли, бегали на переменах и хулиганили. Но

потом наши пути стали все больше расходиться. С одной стороны, я стал все больше и больше времени проводить в мире компьютерных игр, которые для меня были намного интересней реальных. С другой стороны, начиная с 5 – 6 классов, среди моих одноклассников началась повальная «эпидемия взросления». Их тяга ко всему взрослому сочеталась с нескрываемым презрением ко всему детскому. Они уже не играли как раньше ни в какие игры (или играли, но не говорили об этом), их прикалывало просто сидеть на лавочке, курить и болтать ни о чем, а любое предложение во что-нибудь поиграть они воспринимали как «детский сад». Еще недавно все они увлекались компьютерными играми, конечно не так глубоко как я, но всё же увлекались. Теперь же одноклассники попросту издевались надо мной, спрашивая: «Ну как ты? Все играешь?». Это раздражало. Не то, чтобы я был каким-то очень хорошим и правильным мальчиком, противником курения, алкоголя и раздолбайства. Просто во всех этих новых разговорах и действиях моих одноклассников я видел начало конца: конца детства и приближение ненавистной и пугающей «взрослой жизни». Правда, я никогда по-настоящему не верил их стремлению казаться старше. Ведь я знал, что многие из них продолжают играть в игры, хотя и скрывают это, но в целом их агрессивная игра во взрослость меня отталкивала.

Именно в результате этой эпидемии взросления я начал постепенно разрывать связи с одноклассниками. Я всё реже бывал на каких-то вечеринках и днях рождения просто потому, что мне не были интересны темы, которые там обсуждались. В школе я в основном держался особняком. Сами ребята из класса тоже не особо старались удержать меня в своей тусовке. Конечно, я не превратился в какого-то изгоя или посмешище класса, как другие закрытые ребята. Меня просто не трогали, и это меня совершенно устраивало.

Первое сентября началось с традиционной школьной «линейки» во дворе школы. С краю толпы стояли, громко болтая, нарядные старшеклассники и старшеклассницы, которые всю старались подчеркнуть собственную сексуальность. Юные растерянные первоклашки, не догадывающиеся, куда они попали и что их ожидает, кучковались в центре под надзором родителей. Эту картину я видел каждый год, и она мне уже изрядно поднадоела. Однако теперь, когда это был последний раз, мысль о том, что я больше никогда не пойду в школу первого сентября, вновь вернула меня ко вчерашним мыслям о будущем. Не то чтобы я так сильно любил школу, просто она была чем-то привычным и даже комфортным. По сравнению с туманным и неопределенным будущим даже нелюбимая школа начала вызывать чувство приятной теплоты и ностальгии.

Оказавшись в толпе, я стал лихорадочно высматривать знакомые лица. Хотя я и не питал особой любви к своим одноклассникам, но стоять одному посреди толпы совсем незнакомых людей было крайне некомфортно. Вскоре я увидел свой класс и побрел в его сторону. В толпе одноклассников я увидел единственного человека, встреча с которым могла меня обрадовать. Это был мой единственный школьный друг Сережа Вершков. Мы подружились еще в начальных классах и смогли сохранить дружбу потому, что Сережа, так же как и я, был геймером, проводящим все свободное время в мире компьютерных игр. С Сережей мы могли часами обсуждать компьютерные игры и фантастические книги. И этого общения мне хватало с лихвой.

Мы поздоровались и уже начали обсуждать всё то интересное, что произошло за лето в мире компьютерных игр, как вдруг нас прервал писк включающегося микрофона. Это вышел на сцену директор школы Леонид Александрович – серьезный высокий старик с военной выправкой и громким голосом. Он произнес какую-то напутственную речь, в которой очень много говорилось о родине, долге, подвиге, героизме и всем прочем, на что большинству учеников, и в особенности ученикам одиннадцатого класса, было совершенно наплевать. Поэтому речь директора никто не слушал. Все с огромным удовольствием обсуждали, как у кого прошло лето, что интересного случилось и так далее. После этого выступил какой-то местный депутат, который произнес такую же казенную и запутанную речь, смысл которой никто, включая

самого депутата, так и не понял. Затем последовал традиционный ритуал, когда парень-одиннадцатиклассник (в этот раз он был из параллельного класса) заносит на плечах девочку-первоклашку со звенящим колокольчиком в школу. После этого каждому из одиннадцатиклассников вручили персонального первоклассника, которого надо было за ручку ввести внутрь школы. Мне достался какой-то упитанный розовощекий малыш, руки которого были испачканы в чем-то липким. Я вел его в школу, и мне казалось, что я выступаю соучастником какого-то колоссального преступления. Я беру это юное и невинное существо и веду в ужасное заведение, где ему предстоит бессмысленно потерять одиннадцать лет своей жизни, лишиться всего уникального, интересного и детского и стать обычным взрослым. От этих мыслей мне стало так плохо на душе, что даже захотелось схватить упитанного карапуза и убежать с ним куда-нибудь. Но естественно я этого не сделал.

Как обычно после «линейки» все ученики разошлись по своим классам, где классные руководители должны были выступить с напутственной речью, рассказать о том, что ожидается в этом году и, конечно же, представить новеньких учеников. И здесь меня ожидал очередной «удар под дых». Наталья Семеновна – наша классная руководительница и одновременно учитель истории – практически всю свою речь посвятила будущему: поступлению в институт, выбору профессии и важности сдачи итоговых экзаменов. Казалось, что от этих разговоров мне просто некуда деться. Но на этом все не кончилось. Обычно после речи классная руководительница представляла новых учеников.

В этом году в классе была только одна новая ученица. Это была девушка, которая с первой минуты появления в классе завладела всеобщим вниманием. Она была не просто симпатичной. Симпатичных девушек в школе было немало. В последнее время, когда девочки стали активно пользоваться косметикой и по возможности выставлять напоказ округлившиеся части тела, количество симпатичных увеличилось в разы. Но эта девушка была по-настоящему красивой.

Блестящие темные волосы были уложены в элегантное каре. Ее черты лица были просто идеальными, а загорелая после летнего отдыха кожа придавала дополнительный шарм. Большие зеленые глаза смотрели сосредоточенно и даже немного надменно. Она была примерно одного роста со мной, а во мне было примерно 175 сантиметров. Одета была одновременно строго и стильно. Ее одежда не была вызывающе сексуальной, но одновременно и не была похожа на бабушкин свитер, как у некоторых одноклассниц, которые не сильно заботились о своем внешнем виде. На девушке был стильный брючный костюм в полоску и светло-зеленая рубашка. В её облике одновременно сочетались мужественность (короткая стрижка-каре и костюм) и женственность (внешняя красота и макияж).

– Внимание, класс. Хочу представить вашу новую одноклассницу Александру Шумилу. Она перешла к нам из элитной школы № 2, которая, как вы наверняка слышали, сгорела в прошлом году. Александра круглая отличница. Саша, может ты сама хочешь что-то про себя рассказать?

Обычно в таком случае никто из новеньких учеников в классе ничего не говорил о себе. Это было слишком волнительно – стоять перед всем классом и что-то говорить о себе. Все новенькие хотели постепенно, тихой сапой втереться в коллектив в течение первых учебных месяцев. Однако эта новенькая оказалась не такой. Она сразу же встала, плавно вышла к доске и заговорила. Начала она с того, что поправила классную руководительницу, показав, как правильно к ней обращаться:

– Меня зовут Александра. Благодарю, Наталья Семеновна, за представление. Я действительно училась в школе № 2. Но это уже прошлое. Будущее важнее. Я считаю самыми главными качествами в человеке точное знание того, чего он хочет достичь, и целеустремленность – готовность сделать все возможное для воплощения в жизнь задуманного. Моя цель после окончания школы – поступить на экономический факультет МГУ. В отдаленной перспективе

я планирую возглавить семейную компанию, созданную моими родителями. Для достижения своей цели я буду много работать и учиться. Я готова к конструктивной критике как со стороны учителей, так и с вашей стороны, друзья. Критика – то, что помогает расти. Одновременно, если кому-то нужно, я готова помочь с успеваемостью: в прошлой школе у меня неплохо получалось разяснять простым языком сложные предметы. Поэтому можете ко мне обращаться. Спасибо!

Всем классом мы вслушивались в ее короткую и содержательную речь. Судя по открытым ртам и выпученным глазам, всех моих одноклассников мужского пола она уже успела сразить наповал, еще не успев открыть рот. Одноклассницы же поглядывали на нее оценивающими и недовольными взглядами. В ее мягком голосе чувствовался металл, нестигаемая воля и абсолютная уверенность в себе. В этом классе так не говорили. Конечно, ребята любили поиграть во взрослых, но эта девушка действительно была значительно взрослее своих лет. Казалось, что она знает что-то важное, чего не знают все остальные, владеет каким-то секретом. Она точно понимает, чего хочет от жизни и смотрит на окружающих ее шумных подростков-одинадцатиклассников как на «детский сад». С ней хотелось советоваться, за ней хотелось следовать. Из-за всего этого я сразу же почувствовал по отношению к ней жгучую ненависть. Она была идеальным примером «маленького взрослого», человека, в котором не осталось ничего детского.

Самое страшное произошло дальше. Наталье Семеновне так понравилась ее речь, что она вдруг решила сделать на ее основе первое школьное задание:

– Как замечательно сказала! Александра, спасибо за твоё представление. А давайте вот что сделаем. Пусть теперь каждый по очереди выйдет сюда и расскажет о том, куда он планирует поступать после окончания школы и кем хочет стать в будущем. Кто хочет быть первым? – ответом ей была тишина и взгляды в пол – привычная ситуация для нашего класса. – Ну, ребята, это же про ваше будущее. Чего все притихли? Ладно, если добровольцев нет, то пойдем по списку: Арбузов. Леша, выходи к доске.

Леха Арбузов – долговязый подросток с прыщавой физиономией в старом пиджаке, который он надевал на первое сентября уже не первый год подряд и который давно стал ему мал, нехотя вышел к доске и, нервно заикаясь, выдал что-то вроде:

– Ну, я это, типа, буду поступать в этом году в педагогический. Мать сказала, что туда легче поступить, да и парней там мало. Вот, а учить там я, думаю, буду математику. Вот, стану, наверное, учителем математики. – После этих слов класс зашелся дружным смехом. Никто не мог представить раздолбая Арбузова в роли учителя. – А чего вы ржете?! Буду еще ваших детей учить!

Потом по очереди стали выступать все остальные ребята. По сравнению с тем, что сказала Александра, это действительно был «детский сад». Ребята и девчонки, сбиваясь и путаясь, рассказывали о своих планах на будущее, демонстрируя свою неуверенность и сильное желание казаться взрослее, чем они есть на самом деле. Весь класс смеялся практически над каждым, выдавая желчные шуточки в ответ на выступления. Но у них всех были эти самые планы, а у меня заветного плана не было. Когда очередь дошла до меня, я смиренно вышел к доске, хотя внутри у меня все кипело от негодования, и произнес мамину речь о театральном вузе, глядя в пол. Класс взорвался смехом:

- Да какой из тебя актер?! Разве что клоун в цирке!
- А может он в порнухе сниматься будет?
- Ага, в шоу трансвеститов!

Наш 11 «А» класс не отличался дружелюбием. Атмосфера в нем была пропитана насмешливостью, цинизмом и злобой. Ученики по любому поводу стремились высмеять, оскорбить или подколоть друг друга. Эта атмосфера влияла настолько сильно, что даже лучшие друзья неосознанно включались и могли оскорблять и обзывать друг друга, поддавшись приступу кол-

лективной злобы. Но я привык к этому, как и все остальные. Я не обижался, ведь тех, кто обижался или как-то еще реагировал на издевательства в классе, начинали гнобить еще больше. За годы учебы в этом классе я воспитал в себе внутреннее циничное равнодушие, приобрел способность ополщить и высмеять все, что угодно, и одновременно способность скрывать свои чувства от окружающих. Это защищало от боли и обиды, но также полностью лишало какого-либо желания что-то сделать, создать, предложить, потому что любая идея высмеивалась мною самим, будучи еще в голове.

После того, как я закончил свое бестолковое выступление и оторвал глаза от пола, я посмотрел на одноклассников. Первым, что я увидел, были большие зеленые глаза Александры. В ее взгляде я прочел одновременно жалость и презрение. В этот момент я возненавидел ее еще больше.

Когда уроки закончились, мне хотелось только одного – побыстрее сбежать из этой школы. Не глядя перед собой, я быстрыми шагами пошел к выходу, как вдруг меня остановила эта самая Александра:

– Привет! Ты – Костя, правильно?

– Ну да.

– Я Александра.

– Да я уже понял.

– Ты сказал, что планируешь поступать в театральное и стать актером. У нас в предыдущей школе был хороший театральный кружок. Я подумала о том, чтобы нам здесь организовать что-то вроде школьного театра. Я летом прочитала среди прочего очень интересную пьесу Бернарда Шоу «Дом, в котором разбиваются сердца». Ты читал ее?

– Неа.

– Ну, ничего, прочитаешь. Я думаю о том, чтобы ее поставить. Нужны актеры. Хочешь поучаствовать? Там есть роль для тебя.

– Нет, спасибо, я не хочу, – вяло ответил я, всем видом демонстрируя желание побыстрее отделаться от нее.

– Но ты же планируешь стать актером! Неужели тебе не интересно? – не отставала удивленная Александра.

– Нет, не интересно. Всё, я пошел. – Раздраженно пробурчал я и, не оборачиваясь, пошел к выходу из школы.

В голове еще долго оставался ее образ: пронзительный взгляд, уверенный голос и раздражающая правильность во всем. Предложение про театр прозвучало как еще одно приглашение во взрослую жизнь. Раньше мамы разговоры о поступлении в театральное не сильно беспокоили меня, так как за ними обычно не следовала необходимость что-то делать прямо сейчас и как-то менять жизнь. Но теперь разговоры о театре требовали действий и решений, и это раздражало.

Когда первый школьный день закончился, мы с Сережей Вершковым вышли из школы. Вместе мы целый час гуляли по району и обсуждали компьютерные игры, в которые каждому из нас удалось поиграть за лето. Первый раз за весь этот день я почувствовал себя по-настоящему счастливым. Сережа понимал меня с полуслова. Мы захлеб обсуждали вышедшую новую ролевую игру, делились секретами прохождения, сделанными открытиями, идеями по поводу игрового мира и персонажей. В такие моменты, если смотреть со стороны, я совершенно преобразился. Из замкнутого подростка, смотрящего в пол и избегающего общения, я превращался в абсолютного другого человека: глаза горели, руки активно жестикулировали, а звонкий голос не смолкал ни на секунду. Ведь именно там, в играх, была настоящая жизнь, полная смысла, красоты и приключений.

Но на душе у меня все еще было неприятное ощущение от вчерашнего вечера и сегодняшнего школьного дня. Я решил обсудить это с Сережей, ведь он всегда казался мне един-

ственным адекватным человеком во всей школе, на которого не распространилась всеобщая эпидемия взросления:

– Серега, скажи мне, что происходит с нашими одноклассниками? Все эти ребята еще вчера развлекались, так же, как и мы, играли целыми днями на компьютере и забивали на учебу. А сегодня они так активно строят из себя взрослых, серьезных людей и с умными лицами что-то рассказывают про будущую карьеру. А эта Александра: «Будущее важнее!» – произнес я, передразнивая серьезную манеру нашей новой одноклассницы. – Что с ними со всеми творится?

– Я тоже это заметил, – робко ответил Сережа. – Видимо, просто приходит время. Пора взрослеть. Я сам сейчас готовлюсь поступать на программиста, поэтому большая часть времени будет уходить на подготовку ко вступительным. На игры останется всего то ничего. Я думаю, что эти летние каникулы были последним свободным и классным временем для игр.

– Да, я знаю, что ты поступаешь и тебе нравится программировать. Но ты, по крайней мере, ничего не изображаешь, не пытаешься казаться кем-то другим, более взрослым и умудренным. У меня такое ощущение, что весь мир сошел с ума. Как будто бы всех подменили. Но они с уверенными лицами убеждают меня, что это я какой-то странный или отсталый человек, что я не понимаю простых истин, не взрослею или не меняюсь.

– Да ладно, чувак, не переживай. По мне, ты совершенно нормальный...

В общем, Сережа не был настроен поддерживать или развивать разговор. Он не видел проблемы в происходящем. Его будущее было определено и вполне его устраивало. Я даже немного завидовал другу, ведь он нашел свой путь, который позволял заниматься интересным ему делом и одновременно не предавать себя – продолжать жить той же жизнью и играть в компьютерные игры.

Мы погуляли еще некоторое время и потом разошлись по домам, договорившись сыграть через интернет вечером. Но меня не отпускали мысли об охватившей наших сверстников эпидемии взросления. Мне хотелось сбежать от этих мыслей, выключить свой мозг. Но, казалось, что весь мир вокруг продолжает напоминать мне об этом. Видимо я настолько сильно накрутил себя, что даже во взглядах незнакомых прохожих видел направленный ко мне немой вопрос: «Тебе уже семнадцать, а ты еще не определился со своей профессией? И как же ты собираешься жить?»

Глава 3. Игра, в которую стоит играть

Главное, ищите игру, в которую стоит играть... А когда вы найдете такую игру, играйте в нее изо всех сил – так, будто сама ваша жизнь и психическое здоровье зависят от нее.

Если Вам кажется, что жизнь не предлагает никакой игры, придумайте ее, изобретите.

Потому что даже самому

затуманенному рассудку понятно, что хоть какая-то игра лучше, чем вообще никакой.

Роберт де Ропш «Игра мастера»

Я вошел в подъезд и нажал кнопку вызова лифта. Лифт пришёл, двери открылись, я вошел внутрь и нажал цифру «5». Двери захлопнулись и в ту же секунду открылись обратно. Лифт стоял на месте. Такие сбои иногда с ним случались. Но в этот раз мне показалось, что весь мир и даже проклятый лифт сговорились против меня. Я со злостью ударил по стене лифта рукой и попробовал повторить операцию. Никакого результата. Радовало то, что я живу на пятом этаже, и подниматься по лестнице не так уж высоко.

Когда я шёл по лестнице, мне в глаза в очередной раз бросилась стена, испещренная надписями в духе: «Цой жив!», «Скинь Кеды» и «Маша П. – шалава, телефон ...», «Леша + Таня» и так далее. Чуть выше лестничного пролета на ступеньках у покрытой росписями стены стояла компания из пяти человек моего возраста: трое ребят и две девчонки. На полу возле них валялись многочисленные окурки и стояло несколько пустых пивных бутылок. Если честно, то я никогда не понимал людей, которые тусуются в подъездах, курят, пьют пиво и пишут на стенах подобные глупости. Я не мог себе представить более бестолкового времяпрепровождения. В моем представлении люди, проводившие свое время подобным образом, были какими-то отбросами общества, и мне точно хотелось держаться от них подальше. Но вдруг я узнал в этой компании одного парня – Бронислава, который жил на десятом этаже. В детстве мы дружили и часто гуляли вместе, но потом как-то перестали общаться. Это был высокий молодой человек с длинными светлыми взъерошенными волосами, с резкими чертами лица, острыми выдающимися скулами и внимательными карими глазами. Я совершенно не горел желанием общаться и поэтому сделал вид, что не узнал его, опустил глаза вниз и решил быстро пройти мимо. Но Бронислав меня узнал:

– О, Константин Константиныч, привет! – он сделал шаг по направлению ко мне, улыбаясь и протягивая руку. От него исходил неприятный запах коктейля «Пиво + Сигареты».

– О, привет Слава! Я тебя даже не узнал, – смущенно сказал я, вяло пожимая протянутую руку.

– Как жизнь? Чё новенького?

– Да, ничего особенного. Все нормально, учусь, играю в комп. А как у тебя? – спросил я из вежливости. Только в этот момент я смог лучше разглядеть старого друга. На нем был одет длинный потертый плащ, которому, казалось, было лет больше, чем самому Славе; под плащом была какая-то яркая разноцветная майка. В ухе у него я заметил серьгу. Для меня все это было типичным набором районного раздолбая.

– Всё зашибись! Вылетел из одной школы, завтра начну учиться в новой. Вот, пацаны говорят, что я не продержусь и два месяца. Думал поспорить с ними, но они, кажется, правы. Кстати, познакомься – это...

Дальше Слава представил мне своих друзей – ребят и девчонок. Я вяло пожал всем руки, сказал дежурное: «Очень приятно», – хотя совершенно не запомнил, как кого из них зовут, и уже готов был идти дальше, но тут Слава сказал:

– Костя, слушай, у меня тут идея есть. Помнишь, мы в детстве залезли в подвал под соседним домом и там еще был проход в подземный тоннель, который шел через весь район?

Я молча кивнул. Действительно, в детстве мы вместе со Славой частенько гуляли, лазили по всяким закрытым чердакам и подвалам, воображая себя искателями сокровищ. Но те времена давно прошли.

– Так вот, – продолжил Бронислав. – Мы тогда испугались и не пошли дальше по этому тоннелю. Но мы тогда мелкие были, а сейчас мы выросли, чего нам бояться? Давай возьмем фонари нормальные, залезем туда, посмотрим, что там интересного. Можно в итоге оборудовать там собственный подземный бункер, будет где тусоваться. Пойдем, залезем?

– Ой, нет, я не смогу, Слава. Нам сегодня в школе очень много задали. Так что, вы без меня туда сходите.

Конечно, я врал. На самом деле, в первый день учебы нам не задали ничего, и остаток дня у меня был совершенно свободен. Но от одной мысли о том, чтобы лезть в какой-то грязный подвал с компанией нетрезвых ребят, мне становилось плохо. А вдруг там какие-то бомжи и наркоманы сидят? А вдруг нас милиция заберет? А вдруг мы там застрянем и не сможем вылезти? Или фонарь сломается? Все эти мысли в мгновение пронеслись в моей голове, нагоняя чувство страха и отторжения. Слава, кажется, заметил это на моем лице, он внимательно посмотрел мне прямо в глаза:

– Ты уверен? Школа, уроки, компьютерные игры – это же так скучно. Это же не жизнь. Костя, я тебе предлагаю классное приключение. Ну, давай, решайся. Живем один раз!

– Нет, спасибо. Я, к сожалению, не смогу. Рад бы конечно, но сегодня не получится. Меня училка приберёт, если я все не сделаю. К тому же мама дома, она меня непустит. Может быть, когда-нибудь в другой раз.

– Ну, как знаешь. Хорошо тебе поучить уроки. – съехидничал Слава, посмотрев на меня насмешливым и слегка жалостливым взглядом.

Я, не отвечая ничего, пошел наверх. Мне хотелось поскорее избавиться от этой компании, и мне было плевать, что они подумают обо мне. В голове я раздраженно перебирал эпитеты, характеризующие самого Славу и его нынешнюю компанию: алкоголики, наркоманы, деграданты и т.д. В большинстве своем это были мамины слова, которыми она предостерегала меня от общения с подобными компаниями. Но, думаю, меня и не нужно было предостерегать. Моим лучшим другом был компьютер, а подобные люди сами по себе не вызывали у меня никакого интереса, только отторжение.

Что за время началось? Почему меня все дёргают, куда-то зовут, что-то предлагают? Пошли они все к черту! Мне хотелось сбежать ото всех – от мамы, ее друзей, Натальи Семеновны, одноклассников, этой высокомерной Александры, Славы с его компанией и от всего остального мира; укрыться у себя дома за компьютером с чашкой горячего чая и ни о чем не беспокоиться. Радовало только то, что моя мечта имеет все шансы воплотиться в жизнь. И она воплотилась. Придя домой, я скинул куртку и сразу же побежал к компьютеру. Мамы дома не было, и я хотел расслабиться в одиночестве, погрузившись в любимые игры.

Пока компьютер загружался, я вдруг вспомнил один из вопросов вчерашнего вечера. Кто-то спросил, о чем я мечтаю в жизни, есть ли у меня вообще мечта. В тот момент я не смог ответить ничего стоящего и это омрачило мое настроение. Но сам я отлично знал, что мечта у меня есть. Я действительно уже несколько лет лелеял эту мечту и думал над её воплощением. Я мечтал поиграть в идеальную ролевую игру. За годы, проведенные в игровом мире, я стал достаточно хорошо разбираться в ролевых играх и во всех них находил какие-то недостатки. Где-то мне не нравилась графика: небо в игре казалось слишком плоским, облака пря-

моугольными, деревья однообразными и т.д. В других играх я был недоволен технической проработанностью деталей. Но главное, что всегда смущало меня почти во всех играх, – это их ограниченность, линейность. Для такого взыскательного геймера как я даже самые сложные, многогранные ролевые игры с множеством вариантов действий и развития событий всё равно казались ограниченными. Моей мечтой была идеальная, совершенно нелинейная ролевая игра, где возможности по развитию персонажа и по его взаимодействию с миром были бы ограничены лишь фантазией игрока. Конечно, я понимал, что создать такую игру сложно, практически невозможно, но я постоянно думал над реализацией этого проекта. Предложения с идеями, которые приходили ко мне во время таких раздумий, я часто посылал на сайты компаний, разрабатывающих компьютерные игры. Но ответов так и не получил. Я мечтал если не поучаствовать в создании, то хотя бы поиграть в такую идеальную ролевую игру.

В соответствии с моими представлениями идеальная ролевая игра включала бы в себя следующие самые важные составляющие. Во-первых, это должна быть игра с большим открытым миром, который должен быть масштабным и разнообразным и в котором можно свободно путешествовать. Во-вторых, мир игры и его задачи должны быть действительно интересными и нешаблонными, важными для игрока. Меня раздражали игры, в которых мотивация героя никак не отражена, когда все вокруг дают ему какие-то глупые задания, а он от нечего делать бегают и выполняет их. В-третьих, игра должна быть нелинейной. Конечно, в ней должна существовать какая-то главная задача, главный смысл, но у игрока должны быть разные варианты достижения поставленной цели и одновременно должно существовать множество не менее интересных побочных и дополнительных задач. В-четвертых, игра должна быть действительно сложной, такой, где над каждым решением и выбором нужно подумать. Проблема любой компьютерной игры заключается в том, что неправильный выбор практически не влечет негативных последствий – всегда можно сохраниться и перезагрузиться. Мне же хотелось максимального уровня сложности, где серьезная ошибка несла бы для игрока такие же серьезные последствия, которые нельзя отменить простым нажатием клавиш. В-пятых, у игрока должна быть максимальная свобода действий. Игрок может создавать своего персонажа, выбирать его характер, образ действий и в результате судьбу. Этот персонаж может лезть в драку или действовать хитростью для достижения своих целей, объединять вокруг себя других персонажей или действовать в одиночку, соблюдать законы и правила или ради своей выгоды нарушать все, что необходимо. Чем свободнее будет выбор и чем больше опций будет у игрока, тем лучше. В-шестых, конечно же, важна атмосфера игры – графика, музыка, оформление. В идеальной игре должна быть такая атмосфера, которая позволит забыть о том, что это игра и даст возможность полностью погрузиться, вжиться в этот мир. Казалось, я мог бы рассуждать об идеальной ролевой игре еще очень долго, находить и уточнять новые критерии, приводить примеры из разных игр. В эти моменты мой ум и воображение работали в полную силу.

Вскоре компьютер загрузился, и я открыл игру. Я полностью включился в процесс, надеясь, что это избавит меня от всех предыдущих мыслей о будущем, поступлении в вуз и профессии. В этой игре я был безжалостным наёмником, работавшим на одного из баронов, который решил не подчиняться больше королевской власти и не платить налогов, для чего нанял сильнейших и опытейших наёмников со всех четырех королевств. Моя задача, а точнее задача моего персонажа, которого звали в игре Silvio, заключалась в том, чтобы за определенное время совершить ряд диверсий на королевских землях. Времени оставалось немного, а дел нужно было сделать кучу. Если он не успевал, то лишался и денег и работы. У этого Silvio была одна прескверная черта характера – принципиальность. Если он давал слово или поручался выполнить какое-то дело, то лез из кожи вон, но держал своё слово. За это его, конечно, уважали наниматели, но коллеги-наёмники зачастую подсмеивались над ним. Он был высоким крепким уроженцем северных горных земель, всё его лицо было покрыто шрамами, и большим успехом у противоположного пола он не пользовался. Также он не был большим охотником

поболтать, то есть не отличался красноречием. В учености он также не преуспел: с детства ходил с отцом охотиться, в основном, на саблезубых тигров. Но когда у него в руках был его любимый длинный лук, который он сам вырезал из древесины волшебного дуба, его врагов не спасали ни ученость, ни красноречие. В настоящее время он со своими товарищами подбирался к одной из деревень в окрестностях королевского замка, где временно разместился один из королевских генералов со своим отрядом. Целью был, разумеется, сам генерал. Silvio и его товарищи незаметно сняли часовых и окружили самое большое здание в деревне, где должен был находиться генерал. По команде они должны были ворваться в здание с разных сторон и уничтожить всех, кого там найдут. И вот время X наступило, и разъяренные наемники бросились в дом, сразу же вступив в бой со стражниками. Слышался лязг мечей, раздавались крики. Тут Silvio увидел искомого генерала, который вскочил с кресла и лихорадочно оглядывался по сторонам, не понимая, что происходит. Он натянул тетиву и прицелился: генерал был так близко, что промахнуться было нельзя...

И в этот самый момент игра начала тормозить, картинка зависла. Я вышел и попробовал войти снова, но заметил, что значок внизу экрана показывает, что у компьютера отсутствует подключение к интернету, которое необходимо для запуска игры. Я попытался настроить подключение заново, но безуспешно. А через несколько секунд всплыло окно, в котором было написано, что начался новый период действия интернета, который ещё не был оплачен. Пользователю предлагалось оплатить услуги или связаться с оператором. Я просто взбесился – прервали соединение в такой серьезный момент! Это было похоже на резкое пробуждение от чудесного сна или на смерть, которая пришла в тот момент, когда живешь наиболее полной жизнью. Я раздраженно ударил кулаком по столу. Возникло резкое желание разнести вдребезги ни в чем не повинный монитор. Все против меня!

Но всё-таки я не стал психовать и выключил компьютер. Мой взгляд упал на темный экран монитора. Там я увидел своё собственное неясное отражение. На меня смотрел болезненно бледный молодой человек с рассеянным взглядом, слегка приоткрытым ртом и взъерошенными волосами. Он выглядел настолько потеряннным, что мне даже стало жаль его. Я тут же вспомнил слова ослика Иа-Иа из мультфильма про Винни Пуха, который увидел свое отражение в пруду: «Жалкое зрелище... Душераздирающее зрелище...». В этот момент я подумал о том, что от себя не сбежать никуда, и даже в любимом компьютере я буду видеть напоминание о творящемся в моей жизни бардаке. Я посмотрел в глаза самому себе, отраженному экраном монитора, и взгляд наполнился злостью и раздражением. Мне показалось, что какая-то сверхъестественная сила начала вторгаться в мою жизнь и сейчас буквально выгоняет меня из дома. Как будто бы весь мир хотел мне что-то сказать. Но я не понимал что именно.

Я резко поднялся, накинул куртку, достал из ящика деньги и вышел из квартиры. Офис компании, предоставлявшей интернет-услуги, находился возле метро, и до него можно было дойти всего за десять минут. Я вышел из подъезда и пошел в сторону офиса интернет-компании. Наступал вечер. На улице было еще светло, но солнце клонилось к закату. Первое сентября выдалось теплым и безоблачным, поэтому на улице было полно гуляющих людей. Пары с детскими колясками медленно ходили по дорожкам. Дети разных возрастов бегали, играли и производили кучу шума. Молодежь оккупировала скамейки, в их компаниях слышались крики, смех и звуки гитарных струн. Я шел сквозь этот мир, чувствуя себя совершенно чужим в нем. По аналогии с компьютерной игрой я воспринимал свой поход в офис интернет-компании как задание, в рамках которого необходимо незаметно пройти через территорию врага к своей заветной цели. Мысленно я оставался Silvio, я шел походкой Silvio, в голове у меня были мысли Silvio, и вообще я видел перед собой не дорогу с машинами, а дом с генералом, откуда меня так бесцеремонно вырвал интернет-оператор. Так проходила вся моя жизнь в «реальности». Я лишь физически присутствовал в ней, мысли же мои всегда были целиком в игре. Я шел, глядя себе под ноги, накинув на голову капюшон куртки, стараясь даже взглядом не пересекаться

с окружающими. Я не видел своего места в этом мире, не хотел быть его частью. Да, я был вынужден жить в нем, ходить в магазин, учиться в школе и взаимодействовать с окружающими людьми. Но я совершенно не хотел делать ничего сверх необходимого.

В этот момент я задумался о том, что меня ждет. Конечно, мне хотелось поскорее вернуться домой к оставленной игре. Но одновременно я уже в мыслях проматывал картинки того, что будет происходить дальше. Я знал, что точно пройду это задание, убью вражеского генерала и получу обещанную награду. Но за этим заданием последует другое, а за ним еще одно. Я уже видел перспективы развития сюжета и своего героя на несколько шагов вперед. И это навевало скуку. Ощущения повторения, шаблонности и предсказуемости в игре раздражали. Я чувствовал, что не только эта компьютерная игра, которая на данный момент объективно была лучшей, но и весь мир компьютерных игр становился скучным и тесным для меня. Но что мне остается кроме игр? Тусоваться с одноклассниками и ребятами типа Славы: пить, курить и изображать из себя взрослого? Готовиться к поступлению в театральный вуз, читать книги о театре и разыгрывать пьесы в школе с Александрой? Все это скучнее, к тому же так я нарушаю свою собственную клятву о том, что никогда не повзрослею. Я не хотел предавать себя. Но что мне делать? Я вспомнил о своей мечте об идеальной компьютерной игре, но и в ее реализацию уже не верил. Я чувствовал раздражение и отчаяние, мне сильно хотелось чего-то другого, чего-то нового, но вот чего именно – я не понимал. Я не видел выхода из сложившейся ситуации, точнее видел множество, но ни один из них меня не устраивал. С этими мыслями я продолжал двигаться по знакомому маршруту в сторону метро.

На светофоре мне пришлось остановиться, так как горел красный свет, а поток машин был достаточно интенсивным. И в этот самый момент случилось нечто, изменившее мою жизнь навсегда. Стоя на месте, я посмотрел куда-то вверх и непроизвольно поймал себя на мысли: «Какое красивое небо. Как классно прорисовано. А облака выглядят такими объемными и такими разными». Я долго и внимательно изучал небо над собой и, когда загорелся зеленый свет для пешеходов, не тронулся с места. От неба я перевел свой взгляд на растущие рядом деревья. Я подошел к ним и стал разглядывать кору и листья. «Какая потрясающая детализация!» – не переставал удивляться я, а когда увидел крошечную божью коровку, ползущую по листку, то просто рот открыл от изумления – как будто это было самое настоящее чудо! Я вглядывался в мельчайшие желобки на листьях березы, ощупывал их и удивлялся своим непривычным ощущениям. Потом я перевел свой взгляд на камень, затем на забор, потом на машину. Всё казалось просто идеальным и прекрасным. Я чувствовал огромное уважение к неведомому творцу, который так тщательно проработал всё до мельчайших деталей. Тогда я посмотрел вперед и увидел дома, рядом и вдали – так далеко, что идти до них, наверное, несколько часов. Меня поразили размеры этого мира. Он показался мне таким огромным, но в то же время таким проработанным, как будто бы ни одна деталь не была пропущена или сделана нечетко этим неизвестным, но гениальным создателем. После этого я перевел взгляд на людей, ходивших по улице. Они были такими разными! Каждый был индивидуален: по возрасту, росту, весу, фигуре, чертам лица, волосам, одежде. Тут же я начал вспоминать своих одноклассников, родных и знакомых. Никогда раньше я не задумывался об этом, да и вообще не тратил свои мысли на обитателей реального мира. Но сейчас я стал вспоминать их и понял, насколько разные у них характеры, как много тонких детальных отличий в них, какое множество нюансов.

Я присел на стоящую рядом скамейку. В голове гудел самый настоящий вихрь из мыслей и образов. В конце концов, я посмотрел на самого себя. Я видел себя, но не как Silvio, или Moraddina или Soul Flayera, я видел себя как Константина Стрелецкого. И только теперь меня озарила мысль о том, что моя мечта исполнилась. В эту секунду я вдруг начал безудержно смеяться. Казалось, что вся моя жизнь была каким-то огромным розыгрышем. Ведь идеальная ролевая игра моей мечты всегда была рядом, я просто жил в ней, но совершенно не осознавал

этого. Я ощутил, что в этот момент нашел поистине идеальную ролевую игру, которая ограничивалась лишь фантазией и силой воли самого игрока; игру, где можно всего добиться, но и ставка в ней – жизнь. Здесь нельзя сохраниться и перезагрузиться. Здесь есть все атрибуты идеальной ролевой игры и даже больше – всё здесь можно реально прожить и прочувствовать. Я видел всю сложность и одновременно интересность этой новой игры и прекрасно понимал, что теперь только я могу решать, кем мне быть в жизни – героем или подлецом, развивать свою силу, ловкость или интеллект, а может быть все сразу. Только я могу решить: поступать ли в театральный вуз, работать ли на какой-нибудь однообразной и нелюбимой работе или путешествовать по миру с рюкзаком за спиной, а может быть делать что-то иное. Меня распирало от этого чудесного мгновенного открытия. Я уже не собирался идти в интернет-компанию и возвращаться к компьютеру. Я стоял здесь, на перекрестке двух улиц посреди московского микрорайона, и чувствовал себя маленьким, слабым, первоуровневым персонажем, но одновременно ясно видел все миллионы возможностей, которые теперь открыты передо мной. Игра началась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.